

Marek Příhoda

МЕЖДУ ХРИСТИАНСКИМ УНИВЕРСАЛИЗМОМ И ИМПЕРСКОЙ ИДЕЕЙ: РОССИЯ XVII–XVIII ВЕКОВ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ

Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу взглянуть в более широкой временной перспективе на тот роковой момент, который в процессе развития русской политическо-социальной мысли представляет рубеж XVII–XVIII веков, считающийся важнейшей вехой в истории России вообще и отделяющий два ее периода – Московскую Русь и имперскую Россию. Наше внимание будет, в первую очередь, обращено к миру идей поздней Московской Руси, культурно-духовное наследие которой было как раз в рассматриваемый нами исторический момент подвергнуто коренному переосмыслению и во многих своих проявлениях утрачено в смысле прямого влияния на государственные концепты XVIII и XIX веков.¹ Несмотря на данный факт, московский период прочно остался в коллективной культурной памяти как одна из важных эпох формирования современной России.

В рамках нашего текста мы, кроме прочего, попытаемся представить характерные черты духовности допетровской Руси и сопоставить их с доминирующими идеями последующего петербургского периода. Далеко за рамки настоящего исследования выходит вопрос, насколько те общие представления о разных сферах государственной жизни, которые мы находим в тогдашней письменности, соответствуют конкретным историческим фактам. В стороне мы должны также оставить вопрос, насколько московские правители и их окружение руководствовались в своей деятельности теми мыслями и советами,

---

¹ Что касается политической мысли периода Московской Руси, автор данной статьи считает не утратившим свое значение фундаментальный научный труд: Вальденберг, В. Е., *Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века*, Петроград 1916.

которые формулировала и предлагала им культурная элита. Другими словами, нашей целью является не раскрытие исторически верных механизмов функционирования и взаимоотношений древнерусского государства и общества, а именно исследование того образа, который содержат разнообразны памятники книжности, которые мы можем характеризовать скорее как часть духовной традиции, чем исторические источники в современном, более узком смысле слова. Мы будем уделять внимание именно таким явлениям, которые можно обозначить как типичные не для ограниченного промежутка времени, кружка авторов или пребывания на престоле отдельного правителя, но которые в определенном смысле объединяют разные исторические этапы и проходят (хотя и в измененном виде) сквозь целый период поздней Московской Руси. Значит, мы постараемся представить те идеи, которые воспринимаются нами как знаковые в период от середины XV века до времени царствования Петра I Алексеевича (1682–1725) и инициированных им коренных реформ в России конца XVII – начала XVIII веков. Кроме того, мы будем обращать внимание на те сегменты духовности допетровского периода, которые (хотя и в форме исторического мифа) вошли в интеллектуальный мир петербургской России. Стоит напомнить, что рассматриваемыми нами ключевыми текстами позднего средневековья и раннего Нового времени широко воспользовалась не только историография в своем стремлении реконструировать более или менее объективную картину прошлого, но они, одновременно, в большой степени способствовали созданию образа прошлого в современной политическо-социальной мысли.

Московская Русь стала не только предметом научных работ, что вполне ожидаемо, но и весомым аргументом в поисках основ русской идентичности и даже в осмыслении цивилизационного пути развития страны. Факт различной интерпретации и параллельно актуализации московского периода является несомненно любопытным фактом и своеобразным вызовом для любого сегодняшнего исследователя. Выше указанная специфическая роль наследия допетровской Руси в общественном сознании является одной из главных причин интереса к данной (с точки зрения современного человека) столь отдаленной эпохе.² В контексте непрерывных, продолжающихся до сих пор острых дискуссий о роли России в мировой истории и ее месте между Европой и Азией, мы считаем оправданным вновь вернуться к эмблематическим проявлениям

---

² Из новейших научных трудов чешских исследователей по теме основ русской культуры (в том числе средневековой) см. Nykl, H., *Náboženství v ruské kultuře*, Červený Kostelec 2013; Putna, M. C., *Obrazy z kulturních dějin ruské religiozity*, Praha 2015.

московской культуры и взглянуть на них с учетом традиции предыдущих толкований и с критическим подходом к любым попыткам их политизации и искажения путем вырывания их из того контекста, в котором они родились.

Источниковедческую базу первой части статьи составляют с точки зрения жанрового определения разнообразные (исторические сказания, трактаты, послания) памятники русской книжности авторов-выходцев из церковной и светской среды, отражающие роковые моменты политическо-социальной истории и духовной жизни Московской Руси. Наше внимание будет сосредоточено на литературных памятниках таких исторических вех, как: путь русской церкви к автокефалии, как последствие отвержения Флорентийской унии (1439) московским великим князем Василием II Васильевичем (1425–1462);³ полемика внутри русской церкви рубежа XV–XVI веков, вызванная, главным образом, вопросами церковного имущества и борьбы с еретическими движениями;⁴ формирование единого русского государства (собрание русских земель) второй половины XV – первой половины XVI веков, конец прямой зависимости от татарской орды и параллельное переосмысление важных с точки зрения христианского мира событий (прежде всего – падения Константинополя в руки турок) и под их влиянием и значения Москвы;⁵ эпоха правления Ивана IV Васильевича (Грозного, 1533–1584), которая в историческом сознании традиционно ассоциируется с укреплением (или прямо с окончательной победой) самодержавия;⁶ Смутное время (1598/1605–1613), как долгий и глубокий

³ Издание источников и исследования см. напр. Попов, А. Н., *Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.)*, Москва 1875; *Русская историческая библиотека. Том VI. Памятники древне-русского канонического права. Часть 1 (памятники XI–XV в.)*, Санкт-Петербург 1880.

⁴ Издание источников и исследования см. напр. Казакова, Н. А. – Лурье, Я. С., *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века*, Москва – Ленинград 1955; *Послания Иосифа Волоцкого*, Москва – Ленинград 1959; *Вассиан Патрикеев и его сочинения*, Москва – Ленинград 1960.

⁵ Издание источников и исследования см. напр. Казакова, Н. А., *Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века*, Ленинград 1970; Лурье, Я. С., *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века*, Москва – Ленинград 1960; Малинин, В. Н., *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование*, Киев 1901; Дмитриева, Р. П., *Сказание о князьях владимирских*, Москва – Ленинград 1955.

⁶ Издание источников и исследования см. напр. Будовниц, И. У., *Русская публицистика XVI века*, Москва – Ленинград 1947; *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*, Ленинград 1979; *Послания Ивана Грозного*, Москва – Ленинград 1951; *Сочинения И. Пересветова*, Москва – Ленинград 1956; *The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia*

кризис русской государственности и общества, сопровождающийся прямой конфронтацией с внешними врагами;⁷ реформы патриарха Никона (1652–1666) в середине XVII века,⁸ которые привели к расколу внутри русской церкви и которые воспринимаются нами, в первую очередь, как роковое столкновение в вопросе неприкасаемости московской церковно-религиозной традиции. Для последующей петербургской эпохи станут предметом нашего анализа сочинения представителей социально-политической мысли времени Петра I⁹ и XVIII века.¹⁰ С точки зрения темы статьи будут учтены взгляды ключевых русских историографов XVIII века.¹¹

В заключении мы коснемся общей темы отличий и взаимосвязи московской и петербургской эпох в процессе формирования идентичности на уровне исторического сознания (восприятие отечественной традиции, места и роли России в мировой истории) и на уровне социальной и политической мысли. Немаловажной задачей является наша попытка проследить причины противоречивого восприятия Московской Руси в Новое время.

1564–1579, Cambridge 1955; Зимин, А. А., *И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века*, Москва 1958.

⁷ Издание источников и исследования см. напр. Платонов, С. Ф., *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник*, 2-е издание, Санкт-Петербург 1913; *Русская историческая библиотека. Том XIII. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени*, 2-е издание, Санкт-Петербург 1909; *Сказание Авраамия Палицына*, Москва – Ленинград 1955; *Временник Ивана Тимофеева*, Москва – Ленинград 1951.

⁸ См. подр. напр. Лобачев, С. В., *Патриарх Никон*, Санкт-Петербург 2003.

⁹ См. напр. Посошков, И., *Книга о скудости и богатстве и другие сочинения*, Москва 1951; Прокопович, Ф., *Сочинения*, Москва – Ленинград 1961.

¹⁰ К теме истории русской мысли XVIII века см. подр. напр. Артемьева, Т. В., *От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения*, Санкт-Петербург 2005; Грацианский, П. С., *Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века*, Москва 1984; Уткина, Н. Ф. – Ничик, В. М. – Шкуринов, П. С. и др., *Русская мысль в век Просвещения*, Москва 1991; Шкуринов, П. С., *Философия России XVIII века*, Москва 1992; из научных трудов чешских исследователей по политическо-культурной истории России XVIII века см. Vlček, R., *Kapitoly z ruských dějin 18. století. Geneze a vývoj ruského impéria*, Brno 2014.

¹¹ См. напр. Щербатов, М. М., *Избранные труды*, Москва 2010; Татищев, В. Н., *Избранные произведения*, Ленинград 1979.

Духовный мир Московской Руси

Провиденциализм и эсхатологизм

Когда мы задумываемся над главными чертами историософии авторов позднего московского периода, то мы находим в ней типичные для средневековой европейской мысли черты. К таким основным формирующим составляющим принадлежит провиденциализм, под которым подразумевается сознание присутствия Божьей воли в человеческой истории – в судьбе отдельных людей, целых народов и государств. Божья воля, сопротивляться которой невозможно, вступает в земную историю как ее решающий фактор и сочетается с другим важным концептом – представлением о свободной воли человека, его выбором между добром и злом, праведным и грешным путем. Таким образом, между поступками человека, соблюдением им Божьих заповедей и его дальнейшей долей устанавливается постоянная связь. Следующей заметной чертой становится эсхатологизм и из него вытекающая ограниченность исторической перспективы. Восприятие конкретных событий и деяний исторических личностей с перспективы Страшного суда усиливается в кризисные моменты отечественной истории и под влиянием судьбоносных с точки зрения целого христианства событий. Ярким примером таких настроений можно считать ожидание конца мира в связи наступлением 7000-го года по летоисчислению, принятому в Древней Руси, то есть в 1492 году (5 508 лет от сотворения мира), в момент опасности падения царства в Смутное время или в эпоху реформ патриарха Никона и последующего раскола русской церкви.¹² Усиление эсхатологических настроений непременно связано с повышенным требованием соблюдения Божьих заповедей и приведения образа жизни жителей царства (включая его правителя) в соответствие с христианским идеалом.

Сакрализация исторических событий

При описании отечественной истории мы находим в московских памятниках множество библейских мотивов и прямых сравнений с конкретными событиями и персонажами ветхо- и новозаветной истории. Приведенный подход к явлениям собственного прошлого и современности, по нашему убеждению, не простая дань книжному канону, в его основе лежит более глубокое сознание того, что в судьбах Москвы действуют и повторяются те же механизмы, как

---

¹² К теме эсхатологических ожиданий в Московской Руси см. подр. Алексеев, А. И., *Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв.*, Санкт-Петербург 2002.

и когда-то в случае Богом избранного народа и, таким образом, в них присутствует Божья воля, которая придает им высший смысл. История Московского царства приобретает новый размер и значение непосредственной и неотъемлемой части универсальной христианской истории, являющейся продолжением древней библейской традиции. Под влиянием роковых событий XV–XVI веков взаимосвязь между судьбой самой Москвы и мировой историей в целом постепенно усиливается. Важную роль при этом играет мессианистская идея о том, что именно Москва осталась последним христианским государством и единственным защитником истинной веры. Потенциальное падение Российского царства или утрата им этой роли грозит наступлением конца мира и Страшного суда.

Государство и царь

Идея православного царства, под которой мы понимаем совокупность представлений книжников поздней Московской Руси о государстве, начала формироваться задолго до момента первой царской коронации Ивана IV Васильевича в 1547 году. Мы являемся свидетелями многократного употребления терминов царь, царство или производных от них слов в письменности до 1547 года, сначала по отношению к умершим, особо значимым и почитаемым русским правителям, прежде всего, к киевскому великому князю Владимиру Святославичу (980–1015), позже, например, к московскому великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому (1359–1389). В XV веке регулярно применяется царское звание к правящим великим князьям Василию II Васильевичу, Ивану III Васильевичу (1462–1505), несмотря на отсутствие формального акта царского венчания.¹³ В основе идеи православного царства лежит мысль, что земные авторитеты и институты объединены общей миссией – защитой истинной веры и благочестия и они являются гарантом праведного пути целого общества. На протяжении рассматриваемого нами периода государственные идеи основываются на взаимосвязи и нераздельности духовной (религиозно-церковной) и светской (политико-государственной) сфер жизни общества. Тогдашний московский автор, в отличие от современного ему европейского Запада, не противопоставляет друг другу власть светскую и церковную и не пытается определить разные сферы их действия. Сам вопрос, кто – царь или глава церкви – стоит выше, в древнерусской среде, с ее концептом симфонии властей, невозможен. Царь – это одновременно глава государства и защитник

---

¹³ См. подр. Горский, А. А., «Всего еси исполнена земля русская...». *Личности и ментальность русского средневековья: Очерки*, Москва 2001, 134–159.

церкви. Московские авторы (даже выходцы из церковных кругов) регулярно призывают светских правителей к тому, чтобы они вмешались в дела церкви и в религиозную жизнь общества.¹⁴

Самым ярким и значительным представителем альтернативной модели взаимоотношений церковной и светской власти выступает патриарх Никон. Суть его взглядов на превосходство патриаршей власти над властью царя сводится к тому, что верховный представитель церковной власти, легитимитет которого исходит непосредственно от Бога, призван контролировать действия царя, который ему должен повиноваться. Но и размышления Никона в этом вопросе формируются в категориях типичных для Древней Руси – это ответственность перед Богом и превосходство духовных дел над сугубо светскими. Как и его предшественники, глава русской церкви второй половины XVII века далек от представления об отдельных сферах деятельности обеих властей. Следует также отметить, что идеи Никона не нашли применения в духовной жизни позднего московского периода, тем менее – в государственной практике. Уже современники Никона отреклись от его мыслей и строго осудили подобные взгляды.¹⁵

Одной из ярких общих черт мысли московского периода с сильным влиянием на последующее формирование философских идей Нового времени можно считать ее неполитичность и превосходство церковно-религиозного начала в ней. Книжники Московской Руси пользуются в своих рассуждениях о царской власти не чисто политическими понятиями, а в первую очередь моральными категориями. Призвание великого князя или царя, стоящего во главе государства, рассматривается ими на смысловом уровне духовной миссии, где чисто светские дела уходят на задний план. Их внимание обращено прежде всего к устройству церкви и защиты правой веры вообще, к сфере формальных церковных обрядов, в том числе к соблюдению постов, правильному крестному знаменю итд. В отличие от политической мысли европейского Запада того времени, предметом полемик не становится вопрос формы или происхождения государственной власти. В древнерусской среде мы не наблюдаем попыток сформулировать принцип прямой ответственности монарха перед народом. В данной ситуации отсутствует или роковым образом ослаблен момент формальных пределов и полномочий монарха, не говоря уже о возможных

¹⁴ К теме отношений между государством и церковью в поздней Московской Руси см. напр. Vošček, P., *Stát a církev v Rusku na přelomu XV. a XVI. století*, Brno 1995; Скрынников, Р. Г., *Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв.*, Санкт-Петербург 2000.

¹⁵ См. подр. напр. Вальденберг, В. Е., *Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века*, Петроград 1916, 373–397.

механизмах разделения верховной власти и ее институционализированных ограничениях. Подобные проблемы остаются вне поля внимания знаковых московских авторов. Вместо того мы находим общие призывы, адресованные правителям, к следованию моральных законов, берущим свое непосредственное начало в христианской традиции, иногда и более определенный призыв прислушиваться к полезным советам мудрых людей. Важнее политических институтов или человеческих законов оказывается совесть самих земных правителей и их личная ответственность перед Богом, который является источником их власти и, одновременно, их единственным верховным судьей. Те же самые принципы применяются и при оценке поступков конкретных исторических личностей и событий – и здесь перевес лежит на стороне аргументации, исходящей из морально-духовной сферы.

Для рассматриваемого нами корпуса текстов московской книжности типично сознание непредсказуемости будущего и исторических процессов в частности. Причиной указанного подхода является представление об ограниченности человеческого познания как такового, другими словами – скепсис к способности человеческого разума самостоятельно понять и открыть для себя план Провидения, Божий замысел с миром. Человек, включая правителей, должен подчиняться Богом данному земному порядку. Своевольное изменение традиционной системы отношений в обществе и законов является сопротивлением Божьей воли и может привести к непредсказуемым последствиям и каре, результатом которой, в крайнем случае, может стать падение целого царства.

Территория царства

В московской книжности в контексте описаний состояния и исторической судьбы собственного государства мы регулярно сталкиваемся с феноменом нечетких представлений о географических границах царства. Территория московского государства отождествляется с теми землями, которые в данном моменте подчиняются столице и ее правителю, или с теми областями, на которые распространяется правая вера. Модель религиозной границы между миром истинной веры и еретиками появляется при толковании событий Смутного времени, сутью которых, по мнению отечественных наблюдателей, становится защита истинной веры против ее врагов в виде западных соседей.¹⁶

¹⁶ К теме взглядов авторов сказаний о Смуте см. напр. Антонов, Д. И., *Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века*, Москва 2009; Kowalska-Stus, H., *Kultura i eschatologia. Moskwa wieku XVII*, Kraków 2007.

В комплексе государственных идей исключительное место занимает город Москва своей одновременной ролью политического центра (резиденции царя) и (еще важнее) духовного центра страны. Именно здесь находится главная святыня Московской Руси – Успенский собор в Кремле, который становится символом русской православной церкви, позже – общим символом истинной христианской веры как таковой. С Москвой, как столицей, связана деятельность святых покровителей – митрополита Петра (1308–1326), первого главы русской церкви, переехавшего в Москву во время правления московского князя Юрия Даниловича (1303–1325), митрополитов Алексия (1354–1378) и Ионы (1448–1461). Учреждением их культа, московская среда освятила главные исторические вехи подъема своего княжества и его пути к безусловному центру всей северо-восточной Руси и, в лице митрополита Ионы, ее церковной эмансипации от Византии. Судьбы царства и его центра тесно взаимосвязаны – уничтожение последнего прямо грозит падением целого государства. Стоит также напомнить, что после успешного завершения процесса собирания русских земель вокруг Москвы, в историческом сознании отечественных авторов стирается память о довольно долгой традиции отдельных самостоятельных центров северо-восточной Руси. Важным фактом в жизни поздней Московской Руси является существование пограничных регионов, где сильнее проявляется влияние чуждого Запада. Подобный мотив обнаруживается в связи с Флорентийской унией. Московский автор после ее заключения замечает, что в отличие от московского великого князя, правители Западной Руси были склонны к ее принятию.¹⁷ Как потенциальная угроза эти территории воспринимаются в кризисный момент Смуты начала XVII века.¹⁸

Пространство правой веры и Европа

В процессе формирования идентичности авторов поздней Московской Руси наблюдается постоянное и динамичное напряжение между двумя началами самоопределения. С одной стороны, действует принцип конфессиональной исключительности, основанный на идее о том, что Москва является единственным и последним христианским царством. В его рамках проявляется религиозная

¹⁷ Малинин, В. Н., *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование*, Киев 1901, Приложения, 99.

¹⁸ См. подр. Příhoda, M., *Vnímání prostoru ruskými současníky Smuty*, in: *Prekolonialismus, kolonialismus a postkolonialismus. Impéria a ti ostatní ve východní a jihovýchodní Evropě*. Eds. S. Tumis – H. Nykl, Praha 2015, 124–142.

нетерпимость в отношении к европейскому Западу, подкрепленная взглядом на западных христиан как на еретиков. По мнению московских авторов, Рим и с ним весь Запад окончательно впал в ересь уже во времена императора Карла Великого (800–814) и папы Формоза (891–896). Роль Византии, как центра правой веры, закончилась заключением унии с католиками, которая считается изменой правой веры и была наказана Богом завоеванием Константинополя турками. С другой стороны стоит интегрирующая составляющая – христианский универсализм, под которым мы подразумеваем осознание общих корней с остальным христианским миром. Эта единая и обязательная традиция определяется наследием первых семи вселенских церковных соборов. Важную роль играет и восприятие судьбы самой Москвы, как части европейского духовного пространства, вопреки враждебному отношению с окружающим католическим (протестантским) миром.

Продолжительность существования царства

В основе поисков исторических корней царства в среде культурной элиты Московской Руси лежит идея прямой преемственности между киевской и московской эпохами в религиозно-церковном и государственно-политическом смысле. Одним из ее проявлений можно считать представление о продолжительности существования и глубоких исторических корнях государства и власти его правителей, причем эта традиция уходит в далекое прошлое к первым князьям Руси. Новгородско-киевский период занимает ключевое место в исторической памяти московских книжников, несмотря на его относительно большую временную отдаленность, наличие долгого периода так называемого татарского ига и несмотря на факт, что большая часть территории (включая киевский центр) находится в рамках других государств. В поздней Московской Руси, в связи с усилением Москвы и ее новой ролью на пространстве северовосточной Руси, киевская тема переживает свой ренессанс. Ее важной составляющей является факт генеалогических уз московских правителей с древними русскими князьями, подкрепляющий сознание превосходства над традиционным соперником в Восточной Европе – Литовским великим княжеством (позже Польским королевством). Кроме того, московские книжники воспринимают столицу своего царства как церковный центр для всей Руси, то есть, в этом смысле как продолжательницу роли, которую когда-то играл Киев. Между Москвой и Киевом, таким образом, устанавливается не только преемственность светской власти, но и христианской миссии.

Одной из заметных черт мысли позднего московского периода является четко сформулированное притязание на территорию бывшей Киевской Руси, то есть – те земли, которые на самом деле или в представлении московских книжников подчинялись древним русским князьям. С другой стороны, в связи с процессом завоевания чужих территорий с точки зрения религии, культуры и исторической традиции рождается вызов, с которым должна была мысль Московской Руси столкнуться – вопрос, каким образом соединить мысль о прямой преемственности с киевским периодом и идею конфессиональной исключительности с фактом, что в границах государства оказались новые, выше упомянутые территории. Это противоречие не было русскими книжниками осознано до конца XVII века и его преодоление принес лишь следующий период в форме имперского концепта.

Подводя итоги части нашего текста, посвященной поздней Московской Руси, можно отметить несколько важных с точки зрения последующего периода черт ее духовного мира. Во-первых, это слабость его политической составляющей – вопросы государственно-правовой жизни оказываются второстепенными и находятся на периферии других проблем (еретики, имущество церкви, реформа монашеской жизни и церкви). Важное значение имеет факт, что в московскую книжность (в отличие от Западной Европы) не было интегрировано наследие античной политической мысли и не родился концепт разграничения разных сфер познания, которые обслуживаются отдельными науками (теология, философия). Основной характеристикой формирования образа истории и современного мира можно считать консерватизм, проявляющийся в стабильности основных идеологем московской интеллектуальной элиты и основанный на вере в прочность моральных устоев, правил и законов, по которым общество живет и которыми управляется. Значение традиции предопределено тем, что при поиске причинно-следственной связи, при оправдании конкретных поступков современников или при формулировке общих правил поведения, взгляд древнерусского автора зачастую обращается в прошлое. Именно ссылка к историческому опыту (старине) является решающим аргументом полемик внутри московского общества, причем мы регулярно являемся свидетелями довольно свободного обращения с теми же историческими фактами.

Мысль петровской и послепетровской России

При попытке характеризовать историческое сознание и политические взгляды влиятельных авторов петровской и послепетровской России XVIII века, мы (учитывая сложность и многогранность данной проблематики) ограничимся теми чертами, которые их отличают от книжников предыдущего периода. Одной из таких самых значительных характеристик можно (по нашему убеждению) считать веру в силу человеческого разума и его способность понять суть и закономерность исторических процессов. Именно на основе этого рационального познания формулируются не только общие выводы о законах исторического развития, но и даются совершенно конкретные практические советы и предложения, касающиеся устройства общества и государства. Важную роль в этом плане играет тенденция к десакрализации государства, которое гораздо больше воспринимается не как воплощение и носитель христианского идеала и проявление Божьей воли, а как механизм, который должен подчиняться диктату именно человеческого разума и в который человеческая воля, управляемая тем же разумом, может (и даже призвана) вмешиваться. С точки зрения восприятия всемирной истории и места собственного государства в ней, ключевую роль играет наличие открытой исторической перспективы и с ней связанный оптимизм в отношении потенциала и будущих перспектив России. В концептуализации исторического времени мы наблюдаем раннее немислимый фактор, которым являются рассуждения об ускорении развития конкретной страны и ее общества. В русских условиях такое явление непосредственно ассоциируется с правлением Петра I, как началом новой эпохи русской истории, причем способ и масштаб проводимых реформ напрямую связываются с личностью царя-реформатора. На первый план выходит не соблюдение древних законов, уклада жизни и сохранение традиционного порядка, а наоборот – их быстрое изменение, причем образцом и источником новшеств служит западноевропейский культурный мир, который своими корнями и условиями своего исторического развития резко отличается от предыдущего московского периода. С одной стороны укрепляется убеждение, что преобразования, проводимые Петром I, и его выбор в пользу образованности и технических достижений Западной Европы, был не только правильным, но являлся исторической необходимостью. С другой стороны, частью мыслителей послепетровского времени будут все сильнее осознаваться и негативные, нежелательные последствия преобразований в русских условиях, которые будут связываться с тем, что при них не учитывались специфические местные условия.

Сознание рубежа эпох

Одно из главных проявлений историософии петербургского периода – это критическое переосмысление наследия Древней Руси (идеи православного царства), которое в ситуации слабости идеи государственности и консерватизма социально-политической мысли московского периода ведет к утрате главных устоев идентичности. В этой ситуации мыслители Нового времени столкнулись с насущной потребностью искать новые основы собственной государственности и (в более широком плане) национального самосознания. Результатом данного процесса является набор представлений об обществе и государстве, который можно определить как имперскую идею, где концепт религиозной (христианской) миссии московского периода уступает место державническому началу. К важнейшим чертам, отличающим ее от предыдущей эпохи, можно отнести факт, что внимание авторов обращается к сфере светской жизни общества и государства, конкретно – к вопросам его материального процветания и военной силы (устройству армии). На смену религиозной исключительности приходит концепт Российской империи как пространства сосуществования разных народов и религий. В центре представления о государстве стоит уже не царь, как защитник правоверия и покровитель церкви, а император, как гарант благосостояния царства и его защитник от внешних врагов, которые трактуются уже не как враги истинной веры, а как угроза державных интересов в первую очередь. Надо уточнить, что роль царя как покровителя церкви из общих представлений о задачах светской власти не исчезает, но, в отличие от предыдущего периода, оказывается в новой плоскости, так как сама церковь считается скорее частью государственного механизма. Вопреки критическому переосмыслению и иногда крайне негативному отношению к московской эпохе, последняя остается неотъемлемой частью исторической памяти, причем сохраняется типичная для нее связь и преемственность между киевским и московским периодом, другими словами – авторы по-прежнему ищут истоки российской государственности во времена древнего Новгорода и Киева.

В политическо-социальной мысли послепетровской России закрепляется представление о том, что именно благодаря Петру I и его реформам, страна избавилась от недостатков и исправила ошибки предыдущей древнерусской эпохи, и вернулась на естественный, утраченный из-за неблагоприятных исторических обстоятельств (ослабление княжеской власти и последующий распад Киевской Руси, татарское иго) путь своего культурно-политического развития. Характерной чертой восприятия окружающего мира и места самой России в нем становится европоцентризм, основанный на убеждении, что именно западно-европейские христианские народы и государства достигли высшего уровня

развития человечества и что европейская культура и образованность имеют универсальный характер и, таким образом, представляют образец для России, в которую могут быть перенесены. Не случайно, что при оценке предыдущей эпохи, сторонники петровских преобразований будут направлять свою критику против закрытости московского общества, необразованности и предрасудков, неблагоприятным образом влияющим на отношение к иностранцам.

Учитывая выше сказанное, можно заключить, что, в отличие от культурной элиты поздней Московской Руси с ее недоверием к европейскому Западу, духовно-культурные пространство Европы становится не только частью общих рассуждений о месте России в мире и ее исторической роли, но впервые в отечественной истории осознанным источником новых идей и предметом непосредственного подражания. В развитии политико-социальной мысли и историософии XVIII века также следует отметить стирание границы между самосознанием и имперским концептом, открытость исторической перспективы и динамизм политическо-общественных процессов вместо типичного для допетровской Руси акцента на сохранении древних, унаследованных устоев земного порядка и традиционного уклада жизни.

Древняя Русь и новая Россия

В рамках формирования противоречивого или даже отрицательного восприятия московского периода русской истории в Новое время, важную роль играл миф о разрыве связей с Европой и изолированности Московской Руси от тогдашних культурных центров.¹⁹ Казалось, что смысл русской истории – это возвращение в европейский мир в области внешних связей и основ внутреннего развития страны. Этому процессу присуще, как логическое следствие и необходимое условие, преодоление или прямая негация наследия допетровской Руси. На самом деле, московская среда в своем культурно-историческом сознании никогда и не теряла связи с европейским духовным пространством.²⁰

¹⁹ Из новых исследований по теме мифологизации Московской Руси и соотношения допетровской Руси и петровской России см. напр. Резников, К. Ю., *Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра I*, Москва 2012.

²⁰ К восприятию Западной Европы в книжности Московской Руси см. напр. Казакова, Н. А., *Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России*, Ленинград 1980; Платонов, С. Ф., *Москва и Запад в XVI–XVII веках*, Ленинград 1925.

Оно присутствовало как объект полемики или рассуждений о прошлом и будущем Московского царства. С другой стороны, в русской мысли петербургского периода мы наблюдаем зарождение другого искаженного представления о Древней Руси, как об истинно духовной среде, которая жила или сознательно стремилась приблизиться к христианскому идеалу. При слабости чисто политических идей и проектов, в ее литературном наследии возникала мысль о том, что она, в отличие от тогдашней Западной Европы, смогла обойтись без сложной системы государственных институтов, правил государственного устройства и формализованных с помощью законов отношений между правителем и обществом. Главной причиной появления такого подхода мы считаем факт, что часть авторов Нового времени ориентировалась и слишком переоценивала тексты интеллектуальной элиты Московской Руси, в которых содержится определенный духовный идеал общества, и видела в них отражение исторической действительности. При достаточно большом, и, прежде всего, разнообразном наборе источников и критическом, непредвзятом взгляде на них мы обнаруживаем, что реальная картина жизни древнерусского общества во многих своих проявлениях резко отличалась от этой высокой планки.

Одним из ярких проявлений тенденции к осовремениванию Московской Руси можно считать попытки найти идейные корни царского абсолютизма XVIII–XIX веков в отдаленном прошлом, причем не является решающим, воспринимается ли эта государственная модель положительно или отрицательно. В первом случае, историческая аргументация служит доказательством того, что Россия в известной мере предопределена к сильной, самодержавной власти. Появляется мысль о том, что последняя соответствует когда-то сложившемуся национальному характеру и традиционному образу жизни русского общества. Во втором случае, сливается негативный взгляд одновременно на допетровский период и самодержавие, то есть – такая форма правления кажется пережитком прошлого, проявлением, а и иногда и непосредственной причиной отсталости страны. Несмотря на разный подход к основному факту абсолютизма, мы, в конечном итоге, являемся свидетелями одной общей интерпретационной проблемы – мало конкретизированные идеи о царской власти, исходящие из религиозных начал, которые мы находим в Московской Руси, сочетаются с вполне конкретным содержанием – с моделью, которая в России формируется в новых условиях XVIII века.²¹

²¹ К теме имперской идеи в России см. напр. коллективный труд Ulbrechtová, H. (ed.) – Kusá, M., *Ruské imperiální myšlení v historii, literatuře a umění. Tradice a transformace*, Praha 2015.

Следующим примером подобных, исторически неоправданных ссылок к московскому периоду, являются поиски зарождения самой имперской идеи в книжности московского периода, и в их рамках, например, трактование теории Москва – Третий Рим, в смысле предсказания или оправдания последующей мощи и масштабного расширения границ. Присущий названной теории эсхатологизм, на самом деле, является препятствием, сдерживающим возникновение идеи политического, великодержавного величия.²²

Общим знаменателем выше указанных тенденций является произвольное трактование древнерусских реалий, жертвование историческим контекстом во имя представления о заранее известном, едином правильном или возможном пути исторического развития России. Опыт одной эпохи роковым образом влияет на восприятие и оценку другого, во временном плане отдаленного и для современного человека трудно понятного, периода.

ABSTRACT

Between Christian Universalism and Imperial Idea: Russia of 17th and 18th Century at Crossroad of History

Marek Příhoda

The study is focused on the fundamental concepts of Russian thinking and especially its view of the domestic history during two periods of Russian history –

²² К вопросу возникновения и развития идеи «Москва – Третий Рим» см. подр. Andreyev, N., Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, *The Slavonic and East European Review*, 1959, vol. 38, № 90, 1–31; Гольдберг, А. Л., Идея «Москва – третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в., *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР* (далее: *ТОДРЛ*), 1983, т. 37, 139–149; Гольдберг, А. Л., Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа), *ТОДРЛ*, 1974, т. 29, 68–97; Малинин, В. Н., *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование*, Киев 1901; Масленникова, Н. Н., К истории создания теории «Москва – третий Рим» (по поводу статьи Н. Е. Андреева «Филофей и его послание к Ивану Васильевичу»), *ТОДРЛ*, 1962, т. 18, 569–581; Pope, R. W. F., A Possible South Slavic Source for the Doctrine: Moscow the Third Rome, *Slavia*, 1975, roč. 44, č. 3, 246–253; Pope, R. W. F., Bulgaria: the Third Christian Kingdom in the Razumnik-Ukaz, *Slavia*, 1974, roč. 43, č. 2, 141–153; Schaefer, H., *Moskau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt*, Hamburg 1929; Синицына, Н. В., *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.)*, Москва 1998.

before and after Peter the Great. The author analyses three key problems: 1) the forming of Russian identity at the level of historical consciousness and political thinking, 2) differences and connections between Muscovite and Imperial periods in the history of Russian thought, 3) roots and reasons for contradictory perception of the Old Russia during the Modern period. Interpretating the spiritual world of Muscovite Russia, the author emphasizes the fact that the religiously motivated ideas had a decisive influence on the political and social thinking and the historiography of the then cultural elite. The situation dramatically changed during Peter's the Great rule (1682–1725) and 18th century when the concept of the Orthodox tsardom based on the persuasion of a special Christian mission was substituted by the secular imperial idea in the dominating part of Russian culture.

Key words: Muscovite Russia, Russian Empire, Peter the Great, Tsar, Tsardom, Orthodox Church, Imperial Idea, Westernization.

PhDr. Marek Příhoda, Ph.D. (marek.prihoda@ff.cuni.cz) is an assistant professor at the Department of East European Studies at the Faculty of Arts, Charles University. His research focuses on literature and history of Eastern and Southeastern Europe during the Middle Ages and Early Modern Times.